

ХУЛИГАН *по соседству*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕЛЕНА РАЙ

18+

Елена Рай

Хулиган по соседству

<https://litres.ru/74310267>

SelfPub; 2026

Аннотация

Купив квартиру в новом доме, я была счастлива. Ровно до тех пор, пока не состоялось моё личное знакомство с соседом сверху. Этот наглец вторгся в мои личные границы, не спрашивая меня об этом. А после предложил стать отцом для моего ребёнка, который не нужен родному. Судьба посмеялась надо мной дважды или подарила шанс на счастье?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Рай

Хулиган по соседству

Глава 1

Зинаида

Я сидела на унитазе, держа в руках тест на беременность. На нём отчётливо проявились две полоски, что означало лишь одно – беременна.

Можно было бы немного усомниться в его достоверности, только это лишние нервы. А для моего теперешнего положения любые стрессовые ситуации строго противопоказаны. Я должна думать о ребёнке. Для этого надо встать на учёт в женскую консультацию, купить витамины и... в первую очередь огорошить радостной новостью будущего отца.

С Маратом мы не планировали беременность так скоро. Он учится на последнем курсе финансового факультета. Мы познакомились в библиотеке, где я работала второй год. Наше восьмое свидание закончилось страстным поцелуем. Дальше всё завертелось со скоростью света как в любовных романах. И вот к чему привели наши встречи два раза в неделю у меня...

Я: «Марат, привет. Срочно позвони мне».

Любимый: «Что случилось? Предки по ушам ездят. Пока

занят».

Я: «Купила тест, чтобы подтвердить свои опасения».

Любимый: «Залёт?!»

Я: «Да, я беременна».

Марат: «Блять!»

Я: «?»

Любимый: «Сейчас мне не нужны проблемы, Зин. Переводом кину. Реши сама, как поступить. Меня больше не впутывай в свои дела».

Отправить ответное сообщение у меня не получается. Он ограничил мне доступ. Звонки также не проходят.

9***: «Марат Михайлович Д., перевёл (а) Вам 100 000р.», — с припиской на аборт.

Что чувствует человек, которого предали? Какая же я дура! Точно дура!

Когда полностью разочаруешься в ком-то, открываются глаза на многие его поступки.

Гад! Трус! Сволочь!..

Слёзы скатываются по щекам обильным потоком. Надо прекращать это дело. Сыростью своей я только себе хуже сделаю – об этом всегда надо помнить.

Накрываю ладонью ещё плоский живот, осознавая, что там, независимо от желания его биологического отца, живёт... только мой ребёнок.

— Когда ты уже натрахаешься-я-я-я-я-я, — шиплю сквозь зубы разъярённой кошкой, возведя взгляд к потолку.

Сегодня у меня не то настроение, чтобы ещё провести одну ночь под охи и вздохи.

Мой сон отныне тоже «за двоих».

Деньги Марата пойдут на обустройство детской комнаты, но уж точно не туда, куда он меня послал. О гордости здесь речи не должно идти. Нерождённый ребёнок не виноват, что его биологический папаша – трусливый инфантил.

— Сосед, если ты не ориентируешься по часам, то уже глубокая ночь, — смотрю в холодные глаза красавчика, что живёт этажом выше. И, о боже, как мне «повезло», что прямо надо мной. — Намёк понятен?

— Не особо, — привалившись на косяк двери, прокатывается по мне липким взглядом. — Разжевать придётся.

— Котя, я уже остыла, — подплывает нимфа, скрывающая свою наготу за тёмной тряпочкой. — Мне долго ждать?

— Зая, иди в спальню. Я скоро присоединюсь, — звонко прикладывается ладонью по её заднице. А той нравится. Ой, как нравится такое похабное поведение при постороннем человеке.

— У меня родня из ФСБ. Прижмут твой длинный хвост так, что не забалуешь лишний раз. Вставать и засыпать по будильнику будешь, чтобы мой покой не нарушить. Разжевала? — дополняю образ ехидной улыбкой.

Про родню пришлось выдумать для устрашения противника. Но ему не страшно, словно в рубашке рождённый.

— Соседка... — отлепляется эта груда мышц от косяка и

надвигается на меня. — Давно не трахалась, что ли? Или?..

Опускаю взгляд на свою ладонь, что сжимает тест на беременность. Результат на лицо, так сказать.

Чтобы успокоиться перед сдачей экзамена, я сжимала в ладони монетку или скрепку. Ситуации разные, а степень нервозности идентичная.

— Я умею быть нежным ради таких скромных ромашек, — коснувшись обнажённой ключицы, он ведёт пальцами выше и выше... — Соседка, хочешь я её выгоню ради тебя?

Вблизи его образ напомнил мне Марата. То, с каким напором он завоёвывал моё внимание, чтобы предать меня в одночасье. В тот период, когда мужчина нужен мне в сто крат больше, чем в обычное время.

Гады. Все они гады похотливые и аморальные.

— Ой, это всё гормоны. Наверное, гормоны, — в ужасе смотрю на перекошенное лицо парня. — Ты... Ты... Ты меня вывел из себя. Я не хотела драться. Кто же предлагает незнакомой женщине заняться сексом вместо другой. Только... только ненормальный.

Беги, Зина. Беги, сверкая пятками. Не оборачивайся, потому что этот хищник догонит. И не нужно проверять, что этого не случится. Сама дура виновата.

Пока он отвечает на обеспокоенный вопрос «зайки», я сматываюсь. По ступенькам вниз. Быстро, но аккуратно.

— Открой! — прилетает по моей двери, стоило её только-только закрыть на все замки.

— Я полицию вызову. У тебя зрачки расширенные. Точно наркоман!

— А чего не из ФСБ всю свою родню?! — прикладывается мощно второй раз.

— Лучше бы ты не связывалась с этим придурком, Зина, — обращаюсь к самой себе, тяжело вздыхая.

Через пять минут он со своей «заей» устроил такую оргию, которая мне, пожалуй, даже не снилась.

— Придурок! — выкрикнула в открытое окно на балконе, чтобы выплеснуть часть своих эмоций. Проветривание не помогло. Сна ни в одном глазу. Куревом понесло... в моём положении только порции никотина не хватало.

— Доброе утро, — слышу хриплый смешок от своего напичканного тестостерон под завязку соседа сверху.

Глава 2

Не помню, как задремала. Кажется, что в слезах от своей горькой участи в приоритете стать матерью-одиночкой на зарплату простого библиотекаря.

Мысли путались, спотыкались об все условности, с которыми мне придётся столкнуться в реальных обстоятельствах. Подавать на алименты надо, конечно. Я же не дура инфантильная, а отличие от горе-папаши. В данном случае мне и моему ребёнку придётся пройти через унижительную процедуру по установлению отцовства в судебном порядке.

Семья Марата непростая, чтобы не опасаться их возможной реакции. Он мне рассказывал, что они богаты и часто посещают светские мероприятия. Вряд ли они будут счастливы родству со мной, если их сын хладнокровно дал понять, что со мной совместного будущего не будет, будучи уверенный в своём решении – послать меня на аборт.

Послать-то поспал, а я туда не пойду! Гад такой! Сволочь! Подонок!

Пока беременность не даёт о себе никаких симптомов, что несказанно меня радует. Записалась через электронное приложение в городскую поликлинику с отделением женской консультации. Подождать придётся, но в моём положении лучше деньгами не сорить. Если нужно будет, то обращусь в частную практику. Опять же, если будет нужно и требовать

дополнительные обследования. Ведь я в ответе уже не только за себя.

Накрываю ладонью ещё плоский живот, и чувство, как тепло наполняет меня. Улыбаюсь пока шальной улыбкой, не думая наперёд.

Собираясь на работу, ловила себя на мысли, что я поступаю правильно, не поставив в известность Марата. Для меня он преступник против собственной плоти и крови. А таких казнить надо, либо лишать возможности для дальнейшего размножения.

— Что за чёрт?! — с моего лица чуть очки не слетели, оттого как я подпрыгнула на месте от увиденного.

На противоположной стене от моей входной двери на прозрачном скотче зафиксированы два небольших плаката.

Первый гласит о том, откуда же всё-таки берутся дети. Второй же о методах контрацепции со всевозможными механическими или таблетированными формами и уколами.

Сказать, что я была в бешенстве — ничего не сказать. Мне казалось, что мои глаза метали молнии. Через ноздри извергался огонь. Руки же были готовы свернуть шею одному гаду, что живёт этажом выше.

Я бы могла усомниться в своих скоропалительных выводах, если бы накануне не стала временной преградой между ним и его подружкой.

Срываю плакаты рваными движениями. Это он надо мной так поиздеваться решил? Этот говнюк не знает о моей лич-

ной жизни, чтобы заниматься вандализмом, хоть и в профилактических целях!

— Гад! Сволочь! Кобелина! — поправляю очки на переносице и не узнаю себя в отражении зеркала. Образ библиотекаря... Разве, что у самого дьявола на подработке, где на полках стоят отнюдь не классика с современными любовными романами. Там расчленёнка, методы пыток, сопровождаемые отборными матерными словечками на латыни.

«Зина, откуда в тебе такая кровожадность?» — спрашиваю у своего отражения.

Затолкав огрызки глянцевої бумаги в почтовый ящик, хищно оскалилась. Секундой спустя до моего помутненного ненавистью сознания доходит, что я перепутала ящики.

Обречённый измученный стон совпал со звуком второго лифта. После я хорошенько приложила ладонью по металлической конструкции.

— Чего буяним, соседка? Рецидив за рецидивом, как я посмотрю, — скалясь, обнажает белоснежный ряд зубов сексуальный мерзавец сверху. Он так уверен в своей неотразимости, что аж подташнивает. Или это не от него, а так о себе напоминает беременность?

— К сожалению, мне так не везёт. Приходится порой закрывать уши, чтобы не слышать события уже не из своей многострадальной жизни, — смотрю ему в глаза, не скрывая истинного своего отношения к нему. — Про ответный бумеранг слышал? Так вот... — угрожающе шепчу ему в лицо,

— он обязательно шархнет в самый уязвимый момент.

— Я бываю уязвим только, когда я сплю или трахаюсь, — ещё чуть ближе наклоняется ко мне. — Во всём остальном я предельно собран.

— Ты ещё об этом пожалеешь, — умом понимаю, что все мои потуги тщетны, но мной обуревают чёртовы гормоны и обида на таких смазливых козлов.

Чувствую, как в глазах собирается непрошенная влага, да и в носу щиплет. Накинулась на человека с угрозами, а он может быть и не виноват. Вон глазищами красивыми хлопает и буравит меня подозрительным взглядом.

Новый звуковой сигнал прибытия на первый этаж лифтовой кабины не сулит ничего хорошего.

Я как замороженная смотрю в его дьявольские глаза и ни черта не понимаю, почему продолжаю наблюдать за тем, как расширяются его зрачки; слышать учатившееся дыхание этого гада красивого; вдыхать дерзкий аромат его парфюма под стать его обладателя.

— Шпана малолетняя! Опять шkodите?! Следы любви наша домработница устала вытирать...

Испуганно вздрогнув, лгну всем своим существом на того, когда возненавидела, при этом ещё не зная его в лицо. Губами мазнула по его подбородку. И реакция у меня на него какая-то неправильная.

— Ой, Зиночка, — у соседки удивлённо взлетели брови, а во взгляде я увидела осуждение. Видимо, слава о секс-мара-

фонах дошла и до тех, кто живёт этажами ниже. — Опоздаю на приём анализов в поликлинику.

— Подруга твоя? — кивает вслед удаляющейся старушке.

— Лучшая!

Мысленно я представила, как мои пальцы смыкаются на его шее, и с каким наслаждением буду наблюдать сей процесс.

— Нравлюсь? — подмигивает.

— Аж убить хочется, — бубню себе под нос.

Дважды споткнувшись на низких каблуках, дохожу до выхода. А этот гад упивается моим поведением. Смеётся... не раздражающе и очень приятно. Колдун!

На работу опоздала из-за утренних пробок из-за ДТП. Хорошо, что обошлось без жертв – успела прочитать в новостной ленте городского канала.

— Здравствуйте, подскажите, а вы распространяете информацию об инфекциях, передающихся половым путём?

Поперхнулась остывшей водой с лимоном.

— Простите? — смотрю на девушку с открытым ртом.

— Попала на косарь, а такое добро никому не нужно, — грустно вздыхает. — Может вам пригодится? Ну-у-у-у-у-у, к вам разные люди приходят.

— Покажите, что там у вас, — свожу брови к переносице.

— Стикеры, — раскладывает на столике, — большие и красочные.

— Да-а-а-а-а, я заберу их, — от моей улыбки у девушки

аж глаз задёргался, — для профилактики... Скидочку сделаете?

Глава 3

— Значит, дома тебя нет, — прошипела злорадно, заметив отсутствие навороченной спортивной тачки соседа сверху.

Представила в красках, где именно он и, что делает в эту минуту. Например, в борделе, откуда этот гад красивый привозит очередную крикливую куколку.

Неужели, есть на свете идиотка, которая думает на продолжительные отношения с ним? Она точно дура, потому что этот мажорчик явно куролесит на денежки своих богатеньких родителей, как бы он не задирает свой аристократический прямой нос. Рано или поздно лавочка прикроется, и красавчик пойдёт работать стриптизёром, потому что в голове у него вольный ветер гуляет.

Отчего-то сам факт крикливой куклы меня бесит. Природа этого феномена мне непонятна и вызывает раздражение. Скажите, что ревную? Меня так не имели, как насилуют мои уши против моей воли!

В мысли мои пробрался Марат, и приступ тошноты накатил на меня до тёмных пятен перед глазами. На долгие секунды выпала из реальности, прижимаясь лбом к холодному зеркалу в кабине лифта. Со звуковым сигналом я снова почувствовала себя в строю.

Вероятно, у меня такая реакция на биологического отца

моего ещё neroждённого ребёнка. Сам организм сопротивляется потенциальным встречам с этим ублюдком. И хорошенько бы поесть за ужином. За день только бутербродами довольствовалась. Перекроить свою жизнь за одни сутки ещё никому не удалось, а я не исключение.

На цыпочках подхожу к входной двери мною ненавистного соседа. В голове зреют самые разнообразные вариации того, как мне расположить стикеры. По кругу? В цепочку? Или спиралью?..

Задумавшись, принимаю решение о последовательности. От того, что можно лечить дома до самых страшных последствий, а на ручку повесить маленький фольгированный квадратик с надписью: «Думай головой, а не головкой».

— КрЫсота, — делаю снимок на телефон, при этом растягивая губы в какой-то шальной улыбке. — Будешь знать сосед, что ты не один с фантазией. В следующий раз хорошенько подумаешь, — разговариваю сама с собой, ведя какую-то оправдательную своим поступкам беседу.

Оглянувшись через плечо, чувствую укол совести. А оно надо было так напрягаться из-за плакатов? Или во мне разыгралась отчаянная обида на всех мужиков-козлов, что считают себя вершителями судеб? Скорее всего – второе. Во мне пробудилась отчаянная обиженная женщина, которая не смогла совладать со своей нервной системой и пошла мстить. Хотя бы соседу... Хотя бы с него начала, раз первый гадёныш трусливо добавил меня в чёрный список не только мой но-

мер, но и во всех социальных сетях.

Скажите, куда смотрели мои глаза? Влюблённая дура смотрит на предмет своего обожания с открытым ртом и со свисающей лапшой на ушах. Все мы бабы – дуры, дуры влюблённые и сумасшедшие до романтических поступков, совершённых нашими горячо любимыми мужчинами.

— Влад, я тебя прибью, если мы не найдём эти треклятые плакаты, — угрожающе рычит блондин на брюнета. Обоим не больше шестнадцати лет. Я их видела. Приходили к соседке в квартиру, что расположена слева от моей. — Куда ты их, дубина, повесил?

— Сюда, — кивает на стену. — Понятия не имею, куда они делись.

— Ты точно дубина, Столяр, — сжимает переносицу блондин. — Ох, какая ты дубина! На полтора косаря попали! Типография только завтра откроется, чтобы повторить заказ. Светка так просила, а я решил помочь. Помог, млин.

— В Светку втюрился? — прищуривается брюнет. — Так и знал, что запал на неё.

— Пошёл ты на...

— Кхм, — обозначаю своё положение. — Добрый вечер.

— Добрый, — блондин разворачивается ко мне. — Тётъ, а ты не видела плакатов? Этот дубина сюда повесил, — показывает то место, с которого я срывала плакаты, думая... Ох, лучше крестик мне всё-таки носить, раз в рубашке не родилась!

Скорее всего, я слишком громко думаю, потому что на моём лице отразилась вся гамма ужаса. Моргнув не менее пяти раз, нахожу в себе силы хладнокровно ответить:

— Я и «тётей» здесь не видела, — пожала плечами, а потом открыла ключом свою дверь.

С минуту я стояла и наблюдала через глазок, как топтались на месте парни. Когда они ушли, сама сняла туфли и присела на обувницу.

Что я хотела разглядеть в одной точке на полу — одному Богу известно. Спустя ещё немного времени на меня снизошло озарение, что ещё можно всё исправить!

Жаль, что у судьбы свои планы, и эта мерзавка продолжает смеяться мне в лицо, игнорируя все мои заслуги, чтобы попасть в рай.

— Извини, — шепчу одними губами, когда чёрный, как сама ночь, взгляд прощупывает моё хрупкое тельце. — Если подуть на них феном, то должны отойти без п-проблем.

— Тебя бы сдуть, — приблизившись ко мне за каких-то три шага, вторгается в мои личные границы.

— Приношу глубочайшие извинения. Вышел к-конфуз, — смотрю в глаза самого дьявола, погружаясь в бурлящий котёл его ненависти ко мне.

— Поговорю с твоим мужиком, — заключает мой локоть в свои раскалённые тиски, — если сама себя держать в руках не можешь, пусть он тебе мозги вправляет. Уверен, что это не первые твои заебоны.

Медленно спускаемся по лестнице. Лифты все разъехались в разные стороны. Ждать получится дольше, как выдал сосед вперемешку с отборными словечками.

— У меня н-нет, — трясусь, как одинокий пожелтевший лист в осеннюю хандру, — н-никого.

— Завтра зайду, — тоном не терпящим возражения чека-нит он, не разрывая зрительного контакта, а у меня сознание плывёт от его дерзкого парфюма. Что это? Ментол и жгучий красный перец?

— Одна я, — шмыгаю носом, — а родители...

— Их нет? — его взгляд проясняется, подобно радуге после грозы.

— Типун тебе на язык, — хмыкаю. — Мы давно не общаемся. Водка окаянная им мозги затуманила до белочки. Они меня в своё время бабушке сбагрили. Она всё своё состояние на меня переписала. А у нас и Бурёна была, козочки и курочки.

Лицо моего соседа удивлённо вытягивается. Кажется... Нет. Он уверен, что я чокнутая и потеряла связь с реальностью, когда стала перечислять клички кур.

— А дятел твой где? — обхватив мои плечи, пытливо смотрит мне в глаза.

— Дятел, — грустно усмехаюсь, — настучал своим клювом сообщение, что не желает меня видеть и отправил на аборт, перечислив деньги на карту.

Почему он так смотрит? Лучше бы рычал, чем смотрел на

меня с жалостью и с каким-то оттенком нежности. Другой бы послал в пешее эротическое, а этот не отпускает и ещё что-то от меня ждёт.

— Сосед, — лбом прижимаюсь к его груди, ощущая, как снова подкашиваются ноги от нахлынувшего приступа тошноты, что аж в глазах потемнело, — от твоего парфюма, у меня голова кружится, — и ведь правду же сказала.

Глава 4

Матвей

— Мэт, придётся тачку оставить на диагностику, — задумчиво произносит Серж, не отрываясь от экрана.

— Чего?! — моментально взрываюсь, наплевав на то, что пугаю весь персонал своим рёвом. Остаться без тачки даже на день для меня катастрофа. Не привык я в общественном транспорте кататься, а на байк давно не садился. С непривычки случиться всякое может, что совсем мне не на руку, а батя так вообще мне голову откусит, если завтра же не явлюсь на совещание по мою душу. Назначение его правой рукой, млять, вполне логично, вот что-то внизу живота тянет, и отнюдь меня не возбуждает.

— Сам не понимаю в чём дело. Бортовик определённо подвёл, — почёсывает затылок, чем ещё больше меня раздражает своей никчёмностью. Ладно, Серж – спец своего дела. Если он просит оставить, значит придётся свою малышку оставить. Не хочется быть размазанным по асфальту в случае своей заносчивости в высшей, мать её, степени.

— Твоя взяла, — хлопаю его по плечу, не скрывая своего раздражения.

Серж даёт своим парням указания, а потом делает нам кофе. Вечер испорчен, а на трёп я не настроен. Но кто бы меня ещё спрашивал...

— Млять, вчера кассирша мне секс обломала, — аж подавился и уставился на него, как баран на новые ворота. Никогда мы не обсуждали девок. Интересно.

— С кассиршей замутил?

Друг наградил меня таким взглядом, что шутить расхотелось, тем забавнее.

— Зашёл за резинками. Решил к ним добавить бутылку вина с сырной нарезкой. Эта, — его лицо перекашивается от ярости, — отказалась пробивать вино, аргументировав... — тяжело вздыхает он.

— И?..

— Детей надо делать в трезвом состоянии, и вообще после 22:00 они алкоголь не продают. А на хрена мне резинки и сыр?!

— Дальше? — смеюсь в кулак.

— Согласился на презервативы, — испепеляет меня взглядом. — Эта дура как закричит: «Галя, у нас отмена!»

— Гондоны, как я понимаю, не понадобились, — открыто ржу, за что сразу получаю тычком в бок.

— У самого как на личном? — Серж понял, что зашёл на запретную территорию, — друг, извини.

— Нормально, — прогоняя морок из тёмных воспоминаний прошлого, выплываю наружу. — Пошёл.

— Завтра ближе к вечеру наберу.

— На связи.

Не люблю я прошлое вспоминать. Тёмное оно. Липки-

ми щупальцами страха сдавливают горло до хрипоты, что сам свой собственный голос не узнаю, когда заказываю такси до холостяцкой берлоги, в которой привык расслабляться в компании малознакомых девушек.

После Ларки никому не верю. Эту дрянь из воспалённого мозга тяжело стереть. Моя невеста носила под сердцем НЕ МОЕГО ребёнка, но эгоистически желала жить в моих роскошных апартаментах в центре города. А я лопух во всё поверил и кивал в такт её желаниям, пока не увидел её в обнимку с каким-то очкастым лошком.

Распутал клубок вранья и отправил двоих в пешее эротическое без презентов на прощание. Пока пузо на нос не ползло, возможно, найдут другого дурака богатенького. Чёртовы извращенцы.

Вроде бы батя всегда меня ловил, когда подкидывал... Уверен, что он запомнил. Я до сих пор не могу найти объяснения тому, как повёлся на развилку между ног и полные ложного обожания глаза.

— Какого чёрта? — шиплю сквозь стиснутые от злости зубы. — Твою ж... — срываю с дверной ручки презерватив вместе с какой-то ленточкой.

Разворачиваюсь с намерением преподать одной занозе в заднице пару воспитательных уроков, потолковать с её мажорчиком, раз свою бабу не может держать в постели и отлюбить так, чтобы она не бегала по соседям, срывая им кайф.

— Если подуть на них феном, то должны отойти без п-

проблем.

— Тебя бы сдуть, — у меня от этой девицы малахольной башню рвёт, фейерверками разрывает, руки трясутся и слетает к херам весь контроль.

— Приношу глубочайшие извинения. Вышел к-конфуз.

— Поговорю с твоим мужиком, — подхватываю под локоть, — если сама себя держать в руках не можешь, пусть он тебе мозги вправляет. Уверен, что это не первые твои заебаны.

С бабой разговаривать сложно, когда у этой бабы есть мужик. С её дятлом я не знаком лично. Видел пару раз на приёмах с родителями и, что больше всего удивило, в компании этой... Перетру с парнем и поеду отсюда. Лишь ноут рабочий захвачу. Отец говорит, что я гений. Только не настолько, чтобы всё хранить в себе.

Не ожидал я от девушки исповеди о том, что осталась она по сути одна, а потом перечислила клички кур: Чернушка, Петрушка, Белянка...

Растерялся, когда она прижалась ко мне и тихо прошептала:

— Сосед, — облизывает губы она, — от твоего парфюма, у меня голова кружится, — и обмякает в моих руках.

Твою ж!

Подхватываю на руки это горе луковое и заношу в квартиру. Не заперто было. Сразу заметил. С её то везением можно многое себе на задницу подхватить. Положил на кро-

вать и отправился за водой.

В холодильнике кроме колбасы, хлеба и молока вообще ничего нет. Разве этим можно питаться в её то положении? Ларка себе питание заказывала для беременных. Что-то я ещё помню, что следовало бы забыть, но память — она ещё та сука, подкидывает на вертел нужную информацию.

Пока вожусь на кухне в поисках воды, соседка приходит в себя.

— Воу, воу, — ставлю стакан с водой на тумбочку. — Не бей меня, соседка. Я как бы спас тебя от прямого столкновения пола с твоим любопытным носом.

— Обморок? — прижимает к груди пульт от телевизора. — Боже, я упала в обморок.

— Ты бубнила, какой я умопомрачительный, — вызываю у неё болезненную улыбку, а самого как шарахнет от этого. Сглатываю и отвожу взгляд.

— Врёшь, — облизывает губы, примагничивая мой взгляд обратно. — Под дулом пистолета я бы не сказала такого.

— И голова кружится от моего парфюма, — голос чуть дрогнул.

— О-о-о, это я могла.

— Давай помогу, — по телу пробежали колючие мурашки от соприкосновения с её кожей.

Соседка занимает полусидящее положение и неожиданно протягивает руку.

— Как тебя зовут?

— Матвей, — жму. — А тебя?

— Зина.

— В песочнице было туго, да?

Девушка пыталась выпить стакан воды залпом, да подавилась.

— Горе луковое, — взгляд опускается ей на грудь, где отчётливо проступили соски. Током ударяет прямиком в пах.

— Спасибо, — откашливается.

— Всегда пожалуйста, — прохрипел и двинул на выход.

Не отдаю отчётности чем руководствовался, когда готовил на скорую руку яичницу с колбасой и помидорами, а потом с этим добром заявился на порог к... Зине.

— Приятного аппетита, — жую губу как в детстве, когда совершал косяк за косяком и не пытался найти оправдание своему поступку. — Сковородку можешь оставить себе.

Уже готов был уйти, когда услышал тихое:

— Матвей, — девчонка смотрит на меня растерянно, а потом переводит взгляд на содержимое сковородки. — Для одной меня здесь много.

Хотел сказать, чтобы выкинула остатки, да язык к нёбу прилип. Задницей чувствую, что совершаю ошибку. Но как упрямый баран делаю наперекор собственным принципам. На голодный желудок вообще думать вредно.

Глава 5

Зинаида

Стоило Матвею покинуть мою квартиру, как на душе стало совсем паршиво. Сами стены высасывали из меня всё тепло, которое концентрировалось в груди, сохраняя потенциал для всего организма. Громко всхлипнув, дала себе слабину и громко разрыдалась.

В такие минуты отчаяния мы ищем утешения в компании друзей и/или родных. Единственная подруга ещё в прошлом месяце сорвалась и уехала вслед за парнем. Она думала, что он будет рад, но получилась совсем не сказочная история, а её послевкусие больше напоминало протухшее яйцо на кончике языка. В съёмной квартире было двое. И по заверениям самого молодого человека там был отнюдь не парень. Отвесив ему пощёчину, она развернулась на сто восемьдесят градусов и поехала... Нет, не обратно домой. Поближе к морю, как всегда и хотела.

Почему же в таком случае я не звоню родителям? Вряд ли они узнают мой собственный голос. В детстве я могла долго обижаться, что они не поздравляют меня с днём рождения, а потом меня захлестнуло равнодушием.

Был ещё и третий человек. Он меня добавил в чёрный список, когда я ему сообщила о беременности.

Поднявшись на ноги, неспешно иду в ванную комнату.

Привожу себя в порядок. По ту сторону зеркала на меня смотрит напуганная девочка с огромными голубыми глазами, в которых помимо слёз застыл ужас неизвестного ей будущего. И только громкая голодная рулада моего желудка возвращает моё сознание в настоящее время, напоминая о том, что я теперь не одна.

— Всё будет хорошо, — накрыв ладонью низ живота, уверенно произношу вслух. — Ни при каких обстоятельствах я бы не отказалась от родного человека. Ни при каких...

Услышав тихий стук в дверь, вытянулась в струну. Никто ко мне не приходит в гости. Тем более так деликатно оповещающая о своём приходе, будто бы, надеясь, что не откроют.

Вдруг это Марат?

Нет, нет, нет... Этого засранца редкостного, гада противного, слизня мерзкого видеть не желаю минимум до совершеннолетия нашего общего ребёнка.

Как бы я не храбрилась и не придумывала небылицы, а голову поздно прятать в песок.

Набрав в грудь побольше воздуха, что аж рёбра затрещали от моих потуг, открываю дверь.

Каково же было моё удивление, когда на пороге снова стоял Матвей, да не один...

— Приятного аппетита. Сковороду можешь оставить себе.

И как мне всё это понимать?! Ещё вчера я его ненавидела каждой клеточкой своего тела, а теперь испытываю стыд

за своё поведение и необъяснимое чувство утраты, когда он, развернувшись на пятках, делает несколько шагов в противоположную от меня сторону.

— Матвей, — нерешительно окликаю его. Парень оглядывается через плечо, а у меня от одного его взгляда внутри что-то щёлкает. Множество маленьких лампочек загораются, от теплоты которых приходит совершенно сумасшедшая идея. — Для одной меня здесь много.

Яичница оказалась пересолённой, но я и словом не обмолвилась насчёт этого. Я была ему благодарна за компанию, хоть она была довольно сомнительной.

Если бы мне ещё этим утром сказали, что я буду ужинать с соседом сверху – громко рассмеялась в лицо и покрутила пальцем у виска.

А теперь я с интересом слушаю его о том, как у него прошёл день. И перед моими глазами больше нет того воображаемого слащавого мажора, которого я рисовала в своей голове. Матвей совершенно не тот, кем кажется на первый взгляд. Внешность обманчива. Ну или я ни черта не разбираюсь в людях.

В свою очередь я извинилась перед ним. Повела историю о том, как двое парней искали свои плакаты. Разумеется, они ничегошеньки не нашли, а признаться мне было стыдно.

Всё бы ничего, как в один момент с красивого лица Матвея сошла улыбка. Он отвёл взгляд и спросил приглушённо: — С ним всё, да?

— С кем? — будто бы не понимая о ком идёт речь, спросила я.

— С отцом ребёнка.

— Матвей, я решила родить ребёнка независимо от того, что хочет, так называемый отец. На алименты подам как полагается по закону. Гордячку включать не буду, потому что лишние деньги мне не мешают, — смотрю в его глаза и не понимаю той бурной реакции, что читается во взгляде.

— Ты обдумывала вариант того, что они могут забрать у тебя ребёнка, — вполне серьёзно выдаёт парень, — ведь они богаты и имеют связи.

— Как забрать? Как у матери можно забрать крошку? — чувствую, как по щекам катятся горячие дорожки слёз. — Матвей, что же ты такое говоришь?.. Как тебе такое в голову пришло?

— Фактически от этой крошки отказался непутёвый сын, чего не скажешь о его влиятельных родителях, — скрестив руки на груди, он выжидательно смотрит на меня.

— Легче себе палец отгрызть, чем я его прощу и снова подпущу к себе, — чеканю каждое слово, пропитывая его горечью разочарования.

Смахиваю слёзы и поднимаюсь из-за стола. В голове я прокручивала множество вариантов, позабыв о других родственниках. Для девочки, которую воспитывала бабушка, родителей практически не существовало. Если их по факту не было у меня, то у других они были.

Руки Матвея смыкаются на моих плечах так неожиданно, не позволяя мне отдалиться от него хоть на пару сантиметров. Прижимают к большому мужскому телу. Даруют такое необходимое тепло, загоняя в дальний угол мои одиночество и отчаяние. Эти подружки идут рука об руку, чтобы довести до трясучки свою жертву.

— Что ты?.. — охаю, когда он поворачивает моё лицо, удерживая его за подбородок пальцами.

Горячее дыхание щекочет мою щёку. Мне бы отвернуться. Мне бы хоть сделать что-нибудь, да не могу. Когда его губы ласково накрывают мои, а руки перемещаются на мою талию — думать ни о чём не получается.

Секунда, две, три... Матвей углубляет поцелуй, не почувствовав моего сопротивления. Жёстко сминает чувствительную плоть, не забывая, втягивать меня в порочный танец наших языков.

Всё прекращается после моего глухого стога то ли от удовлетворения, то ли от раздражения, что Матвей первый размыкает наши губы.

Его грудь вздымается так высоко, что задевает мою. Ноздри широко раздуваются, а глаза... Взгляд не сулит мне ничего хорошего.

Почему же он так на меня смотрит? Не я на него накинулась с поцелуями.

— Сковороду можешь не возвращать, — через несколько секунд он громыхнул моей входной дверью так, что аж шту-

катурка с потолка осыпалась.

Прошла неделя с того самого вечера, когда Матвей чересчур шумно покинул мою квартиру.

Каждую ночь я прислушивалась к любым шумам сверху, но по моим ощущениям его не было дома. В мысли то и дело пробирались мрачные сюжеты того, где Матвей мог бы быть. Имея для этого достоверные факты из его жизни, а точнее повышенное либидо – вероятно, он оставался на ночь у крикливых куколок. Отчего-то сама мысль липкой омерзительной плёнкой покрывает каждый миллиметр оголённых участков кожи, к которым он прикасался.

— Зин, к тебе пришли, — меня так хорошенько встряхивает за плечо коллега, видимо, не получив от меня никакого ответа. — Зина-а-а-а-а?!

— Оль, я сейчас, — прогоняю морок из воспоминаний. — Немного осталось, — указываю рукой на стопку книг.

— Я сама, а ты иди, — интонацией давит, чем вызывает у меня неоднозначную реакцию. Странно как-то. И улыбка эта её... загадочная.

Преодолев несколько стеллажей, врезаюсь в Марата. От неожиданности размыкаю губы, чтобы вскрикнуть, а на деле выходит, какой-то испуганный писк.

— Прикидывалась невинной овечкой, а сама, сука, решила развести меня на бабки? — угрожающе шипит мне в лицо, чем вводит в ступор от своих слов. — С какого хера ты

не сделала аборт? Бабла мало отвалил? Сколько тебе ещё, шкуре, надо?!

Взметнув рукой вверх, звонко прикладываюсь ладонью по его щеке. Как он смеет! Кроме него у меня мужчин не было! Гад, сволочь, скотина парнокопытная!

Марат замахнулся, чтобы ударить в ответ, но пронзительный крик Оли остудил его пыл.

— Полицию вызову!

— С тобой я позже разберусь, — выплюнув мне эти слова, Марат быстрым шагом покинул зал.

Глава 6

Матвей

— Вот коза мелкая, — взглядом давлё эту мелкую вошь, что лезет в мои дела сердечные. Филигранно так шинкует мой головной мозг по миллиметрам, наслаждаясь ответной реакцией, а она следует незамедлительно против моей воли. Согласился пожить неделю с родителями в загородном доме, да кто же знал, что любимая сестрица приедет. — Ты зачем всё родителям растрепала?

— А я тут при чём? — как ни в чём не бывало Ксюша накручивает на палец белокурый локон волос. — Ларка ещё та сучка, чтобы жалеть её чувства.

— Потому что родителям я должен был сам сказать, — це-жу сквозь зубы, безусловно, любя эту девчонку больше собственной жизни.

— Извини, — вот тут до неё доходит, что учинила её непоседливая задница.

Мать плачет. Отец пьёт. А я в бешенстве.... отнюдь не из-за выходки сестры. Я боюсь вернуться к соседке, чтобы завершить-то, отчего, собственно, сбежал.

Отец мне как-то раз рассказывал, что точно также поплыл от матери, когда та была беременна мной. Увидел на свадьбе друга официантку и врезался в неё с первого взгляда, как пацан зелёный. И не смутило же наличие беременности от

мудака какого-то, что послал мою мать на аборт с пачкой зелёных.

У меня один отец. Он воспитал меня как родного, подарив мне самое лучшее детство, о котором мечтают многие. Сердечно счастлив, что на мне они не остановились и воспроизвели на свет братьев-близнецов и одну занозу в заднице.

Смыкаю веки и вижу Зину, чувственную девочку с огромными голубыми глазами. Надавил сознательно на неё, чтобы она сама поняла, какую крутую кашу собирается заварить. Одно дело, если бы «дядел» был простым работягой на чужого дядю, а другое, когда его родители сами держат в подчинении сотни, а то может и тысячи человек. Ситуация может развернуться на сто восемьдесят градусов, что придётся бежать и ронять тапки от состоятельных родственников.

Женских слёз терпеть не могу, а её под кожу впитались. Преодолею расстояние между нами за секунды, чтобы после накрыть её мягкие розовые губы своими. Не оттолкнула, когда была возможность. Не подала ни одного знака, чтобы предотвратить ту бурю, что подхватила меня и унесла далеко-далеко, где нет места логики и просчётам. Целовал как одержимый, не щадя плоть девушки. Ровно до тех пор пока не расслышал, будто сквозь какую-то пелену Зинин тихий стон.

— Братец, тебе бы провериться, — Ксюха щёлкает пальцами у самого лица, — деменция, знаешь ли, молодеет.

— Боже, — закатываю глаза я. — Кто же тебя в жёны возь-

мёт?..

— Ты же от меня в восторге, Матюш, — обнажает белоснежный ряд зубов, — и любишь меня до звёздочек.

— Ох, Ксюша, Ксюша, Ксюша... Юбочка из плюша, — качаю головой. — С родителями пойду попрощаюсь.

— Я с тобой!

— С чего бы это? — подозрительно сужаю глаза.

— Хочу папе приготовить печенье песочное, а формочки, как назло, у тебя остались. Вспомнил?

— А может всё дело в друге нашего отца? Сколько ему там... Тридцать шесть?

Ксюха мгновенно вспыхивает румянцем. Попал в самое уязвимое место сестрёнки. Ей девятнадцать, а он мужик мудрый и не допустит ничего подобного, что нельзя делать с маленькими девочками.

— Тридцать пять, — поправляет меня, — и вовсе... не для него.

— Ксюх, я твой брат и всё прекрасно вижу, — смотрю ей в глаза. — Намёк поняла?

— Папочке пожалуешься?

Усмехнувшись, отрицательно качаю головой.

— Поехали, Ксюш. Спать ляжешь на диване. Утром отправлю на такси обратно. Если такой расклад тебе не по душе... — подмигиваю.

— Пять минут!

Родители лишних вопросов не задавали, видимо, ещё са-

мих не отпустила новость о том, что бабушкой и дедушкой они не станут. Самого потряхивает, но жизнь-то продолжается, и я не вижу смысла топить себя в серости будней.

— Придержите лифт! — крикнула сестра кому-то, а я не успел обратить внимание — задумался о своём. Точнее о ком.
— Спасибо, девушка, а то мы так спешим!

У сестрицы весьма длинный язык, и в эту самую минуту мне захотелось его укоротить минимум метра на два!

— Привет, — обращаюсь к Зине.

— Здравствуйте, — гордо вздёргивает точёный подбородок.

— Как дела?

— Зависят от того... сумею ли я выспаться этой ночью. Судя по настроению твоей гостьи — дела у меня хреново!

Соседка пулей вылетает на своём этаже, задевая меня плечом. Не больно. Сам факт неприятно царапает за грудиной. В её глазах я выгляжу ебливым козлом-соседом, трахающим всех мало-мальски симпатичных женских особей? Похоже на то.

Выходим из лифта уже на моём этаже. Мне бы объяснить-ся с Зиной, но Ксюха... Мамина лучшая подруга, а мама — папина лучшая подружка. Пусть от первого шока пока отойдут.

— Расскажешь? — сестрицу забавляет моя растерянность.

— На ночь только сказку, сестрица.

— Ну-ну, — цокает языком ведьма, — она точно имеет на тебя виды.

— Расскажешь? — привалившись на косяк двери, не пропускаю её в квартиру.

— Жалко, что взрослые не верят в сказки. Там же прописная истина!

Что-то в её словах есть закономерное, вот только я не допру никак. Что в сказках может быть истинного для взрослого мужика?.. Я ж не девочка.

— Чего буяним? — потягиваюсь.

— И тебе доброго утра, братец, — Ксюша оглядывается через плечо. — Где у тебя сковорода?

— Эм, — почёсываю затылок. — А тебе зачем?

— Завтрак нам приготовить, — разворачивается. — Голодной не поеду.

— Там йогурты есть, — отмахиваюсь.

— Моть, — сестрёнка смотрит на меня как мама, с присущей ей женской мудростью прожитых лет. — Я слышала, как ты раз пять подходил к входной двери, но не решался переступить порог. Всё дело в ней, да?

— Да, — бесполезно спорить с этой ведьмой зеленоглазой.

— Зови на завтрак, знакомиться будем, — плотоядно улыбается кобра маленькая, — и про сковороду не забудь.

— Могу только посочувствовать твоей будущей второй

половинке, — на что получаю высунутый язык.

Ещё на лестнице почувствовал неладное. Глухие стуки. Когда же завернул за угол, понял в чём причина. Дятел прилетел и просится обратно в гнездо.

— Сука-а-а-а-а-а, — дёргает ручку, но та не поддаётся, видимо, Зина закрылась на внутренний замок. Умница.

— Уходи, Марат, пожалуйста, — громкий всхлип, а потом уверенная просьба-приказ.

— Слышал, что тебе девушка сказала? — обращаюсь к нему сразу на повышенных интонациях. — Свалил на хрен.

— Ты кто такой?.. — смотрит на меня и в его взгляде проскальзывает узнавание.

— Сосед, — хватаю его за шкурку, как котёнка, — и ты непозволительно громко шумишь в девять часов утра.

— Охренел?! — взвизгивает, когда я его выталкиваю на лестничную клетку.

— В следующий раз я не буду таким нежным, — от моего напора дятел испуганно вздрагивает.

— Ты кто такой?! — орёт.

— Нос или рука? Что важнее? — разминаю пальцы до хруста.

— Н-не понял...

— Рука, наверное, важнее, — задумчиво. — Правша или левша?

— Л-левша. А вам зачем?

— Господи, что ты за тупень такой?!

— А-а-а-а...

— Трус, — усмехаюсь, когда парень сбегает вниз по ступенькам.

Крутанувшись на пятках, врезаюсь взглядом в бледную как мел Зину.

Глава 7

Зинаида

Вылетев из лифта как пробка из шампанского, я побежала к своей квартире. Не оглядываясь и не замечая ничего вокруг.

Моё сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Пальцы дрожали, когда пыталась попасть ключом в замочную скважину. Когда дверь открылась, я влетела внутрь, захлопнув её за собой с громким щелчком. Прижавшись спиной к стене, я медленно сползла на пол.

«Да, что со мной?!» — мысленно обращалась сама к себе, а может даже вслух. Ответа у меня не было. Только ощущение липкого страха, который, казалось, проникал под кожу. В этот момент мне показалось, что сверху послышался женский стон.

У-у-у, как мне хотелось убить этого гада красивого!

Подумаешь, поцеловал! Да, он уже забыл обо всём! А я дура... всё помнила и напоминала себе аж целую неделю такими неправильными чувствами к тому, к кому испытывала ещё недавно неприязнь.

Сердце подскочило к горлу. Прислушалась вновь. Показалось...

Чтобы больше ничего «не казалось» вставила в уши бес-

проводные наушники и музыку включила по-громче. Так и уснула, свернувшись калачиком. Возможно, что в слезах... Возможно.

Это всё гормоны, а не ебливый сосед сверху, который сводит меня с ума своими парфюмом, крепким телом и хищным взглядом. И та непонятная тяга, которая неподвластна моему сознанию вопреки всякой логике.

Утром я смотрела в окно и наблюдала обычную картину спального района. Отцы горделиво прогуливались с колясками, попивая кофе из картонного стаканчика или залипая в телефоне. Пожилая пара на скамейке возле подъезда оживлённо разговаривала. Парень с третьего этажа делал зарядку, разминаясь на свежем воздухе. Вдалеке дворник подметал дорожки, создавая ритмичный шорох, который смешивался с пением птиц.

Всё это создавало особую атмосферу утренней суеты, когда двор только просыпается и начинает свою ежедневную жизнь.

Я улыбнулась, накрывая ладонью ещё плоский живот. Из глаз брызнули слёзы.

Да, что такое?!

Плаксой не была, а тут...

Я услышала грохот по двери и замерла, превратившись в слух. Звук повторился – кто-то явно пытался проникнуть внутрь. Моё сердце пропустило удар, а затем заколотилось с

удвоенной силой.

В панике я огляделась по сторонам, пытаюсь найти что-нибудь, чем можно защититься. Взгляд упал на телефон — он был разряжён! Я же слушала музыку и не позаботилась о том, чтобы сохранить связь с внешним миром на случай беды. Тем временем грохот стал громче, дверь содрогалась от ударов.

— Зина-а-а-а-а, сучка, открой, — заплетающимся языком проговорил Марат. Он точно был пьян. — Зина-а-а-а-а-а...

На негнущихся ногах я подошла к шкафу и достала оттуда тяжёлую чугунную вазу, она досталась мне от бабушки.

Наступила тишина, которая показалась ещё страшнее, чем грохот. Затаила дыхание, прислушиваясь к каждому шороху. И тут я услышала звук поворачивающегося ключа в замке... Успела в самую последнюю секунду провернуть на один оборот внутренний замок.

— Сука-а-а-а-а!

— Уходи, Марат, пожалуйста! — слёзы рвутся наружу, и я им совершенно не сопротивляюсь. Этот гад редкостный точно хочет довести меня до ручки!

— Слышал, что тебе девушка сказала? Свалил на хрен. Это Матвей?! Это Матвей! Господи, как я рада его слышать и видеть через глазок!

Он схватил Марата как котёнка и отвёл его к лестнице.

Ставлю телефон на зарядку. Жду несколько секунд пока

он подаст первые признаки жизни, и прихожу в ужас. На часах... А мне сегодня к врачу!

Положила вазу на место и взяла вместо неё сковороду. Что-то мне подсказывает, что Матвей пришёл за ней. Крикливой куколке завтрак приготовить, например. Чёртовы гормоны!..

Выхожу, а вокруг тишина. Он его убил что ли?.. Только покойники не кричат.

— Рука, наверное, важнее, — сосед угрожающе шипит в застывшее в гримасе ужаса лицо Марата. — Правша или левша?

— Л-левша. А вам зачем?

— Господи, что ты за тупень такой?!

— А-а-а-а...

— Трус, — усмехается в спину... действительно труса.

Матвей разворачивается, и наши взгляды врезаются в друг друга. Не знаю, что происходит. Воздух мгновенно густеет, наэлектризовывается, эта сила притяжения мне неизвестна, её тёмная материя меня пугает до чёртиков и манит в свои сети...

— С тобой всё хорошо? — вручаю ему сковороду, а сама шарю по его телу в поисках возможных повреждений. — Почему молчишь? Он тебя ударил?..

— Маленькая, — Матвей зарывается носом мне в макушку, шумно втягивая запах моих волос. — Что же ты такая бедовая, а?

— Тебя, наверное, ждут, — обиженно произношу, вспоминая о вчерашнем дне, когда улавливаю сладковатые нотки женского парфюма. Мой сосед сама дерзость, а тут «девочка-девочка». — Не смею задерживать.

— Зин, ревнуешь? — одной рукой он приобнимает меня, и от этого простого жеста по спине пробегают мурашки. Словно защищает и в то же время будоражит все нервы. Я чувствую, как учащается дыхание, а сердце начинает биться где-то в горле.

— Матвей, ну где тебя носит?! Ой, — поднимаю взгляд и вижу перед собой ту девушку, с которой... он точно провёл эту ночь.

— Отпусти, — толкаю его изо всех сил. — Сказала же!

Услышав глухое «млять», быстрым шагом возвращаюсь к себе. Не реагирую на звонки в квартиру. Вообще мне не до него. У меня приём у врача. У меня своя жизнь. А Матвей... ловит эмоции, от которых его штормит на адреналиновых волнах — мне же нужно спокойствие и приём витаминов, о которых я вечно забываю.

Через десять минут после того, как врач акушер-гинеколог взяла все необходимые анализы на первом приёме для постановки на учёт по беременности, я чувствовала себя так, будто меня помоями облили.

— Зинаида Алексеевна, не надо так на меня смотреть, — сурово произнесла женщина средних лет. — Рождение ре-

бёнка в неблагоприятных условиях может негативно сказаться на его развитии.

Глава 8

— Рождение ребёнка в неблагоприятных условиях может негативно сказаться на его развитии.

Долгую минуту, а то и две мне требуется, чтобы переварить её слова, пока женщина методично заполняет документы.

Её равнодушный взгляд с оттенком безразличности выражал отчуждённость и полное погружение в бюрократическую волокиту. Она выводила идеальные гласные и согласные, не замечая ничего вокруг кроме безжизненных предметов.

Мой ребёнок живой! Ещё у него или неё есть мать, которая никогда и ни при каких обстоятельствах не позволит оскорблять или как-то принижать в социальном обществе наше положение. Кто сказал, что биологический отец будет служить гарантом для правильного формирования и развития его потомства?!

Я знаю историю не понаслышке, где такой индивидуум издевался над матерью ребёнка, впоследствии у их дочери развились фобии относительно мужчин и закомплексованность. Такое будущее желает мне бессердечная женщина напротив, чьё мнение не заботит чувствам уязвимого человека?

Меня воспитала бабушка, заменив мне родную мать и отца — уж я то знаю, что лучше так, чем с аморальными, но биологическими.

— Что вы имели в виду, когда сказали про негативное влияние на развитие ребёнка? — нарушаю звенящую тишину, задавая свой вопрос. Меня подташнивает от нахождения в этом кабинете. Ощущаю себя инородным, а человека напротив паразитирующим существом.

— Дети жестоки, когда кто-то от них отличается. Думаете, что в детском садике этот вопрос не поднимется, когда речь зайдёт об отце? Обо всём остальном тоже не стоит забывать. Материальная помощь от государства мизерная, да и ваша работа не окупит хороший запас памперсов. Молока опять же может не хватить из-за стрессов. После родов нужна будет помощь, а вы одна...

А я одна.

Одна...

— Раз, — поднимаю руку вверх и сразу же загибаю мизинец, придерживая его большим. — Я уже не одна.

— Зинаида... — хочет она меня перебить, но кто бы её ещё послушал.

— Два, — перехожу на безымянный палец. — Ваше мнение чудовищно и полностью аннулирует право носить белый халат.

— Но!..

— Три, — средний палец. — Вы плохой врач, если вместо помощи предлагаете детоубийство.

— Как вы смеете?!.

— Четыре, — указательный. — Я обязательно напишу на

вас жалобу.

— Пф-ф-ф.

— Пять, — большим зажимаю все остальные. — Никогда не переступлю порог кабинета, где вы будете... не работать. Потому что вы озабочены бумажками, чем живыми людьми.

— Зинаида... — краснеет её лицо. — Я не хотела вас обидеть.

— Уже поздно, — встаю со стула и ухожу отсюда прочь.

Хорошо, что в моё время можно выбирать гинеколога и не довольствоваться бесчувственной персоной. Такая мегера может покалечить кому-то жизнь, потому что кто-то будет более восприимчивый, чем я.

Женщина должна понимать женщину, как никто другой. Только мы знаем, каково же страдать каждый месяц из-за болей, или же вынашивать ребёнка. Каждая сомнительная новость расценивается, как патологическая и сравнима с чем-то глобальным и необратимым.

Я с пристрастием описывала весь приём, изливая свои эмоции. Передала лист бумаги секретарю главного врача. Девушка пробежалась взглядом, сурово поджала губы и поставила какой-то номер.

— Я к ней тоже как-то ходила, — вдруг огорошивает она меня, — а вы молодец.

— Спасибо, — пожала плечами, — главное, чтобы такое не повторилось.

— Это вряд ли, — с грустью в голосе. — Максимум, что

ей светит – это беседа.

— Жаль, — теперь моя очередь поджимать губы в тонкую линию и тяжело вздыхать.

Администратор на первом этаже перезаписала меня через три дня к другому врачу – сама попросила к мужчине. Если женщина не поняла меня, то может мужчина более деликатно отнесётся. «Соболев Руслан Николаевич» – имя красивое...

Ничего не предвещало беды. Я кушала вкусную булочку, запивая её кефиром. Жуть как захотелось чего-нибудь калорийного.

— Алло, — принимаю вызов от коллеги.

— Привет, Зин. Слушай, у меня живот сильно заболел прямо на работе...

Её голос звучал так слабо и испуганно, что моё сердце ёкнуло. Я сразу вспомнила все те случаи, когда сама оставалась на работе, несмотря на недомогание, и как потом жалела об этом.

— Мне приехать?

— Если ты не занята, Зин. Я всё понимаю... Но я сижу, согнувшись пополам, и кажется кому-то нагрубила.

— Может в скорую?

— Мне гинеколог сказала: «Когда родишь, то всё пройдёт».

Откуда же такие специалисты берутся?.. Кому клятву они приносили? Не уверена, что Гиппократу.

— Буду минут через двадцать.

— Спасибо... Я... Я... Правда тебе очень благодарна.

— Даже не думай об этом. Здоровье важнее всего. И...

Сходи к другому гинекологу. Любые боли всё-таки звоночек, что не всё так хорошо как кажется.

Отпустив коллегу, я сидела в читальном зале. Почти никого не было, поэтому у меня была возможность насладиться современным любовным романом с детективной линией.

Давно меня книга не держала в напряжении от пролога до эпилога, тем насыщеннее мне казались все события, что сама не заметила, как разрыдалась на глазах у девушки. Было смешно и грустно... Последняя страница книги была мной дочитана.

На подходе к дому у меня возникла тревога. Странное чувство сдавливало грудь, и я ускорила шаг, машинально проверяя телефон – не было ли пропущенных звонков или сообщений.

Завернула за угол и замерла. Прямо перед моим подъездом стояли машины МЧС и полиции, мигалки окрашивали вечернюю темноту в тревожные красные и синие тона. Люди толпились на первом этаже, поливая обильно кого-то отборными ругательствами.

— Потоп... — донеслось до меня. — До первого этажа затопило.

— Что случилось? — спросила я у своей соседки снизу.

— Вот же она, — охнула она, показывая на меня пальцем остальным. — Ты, что дура натворила?! У меня дорогой ремонт!

Потоп? Дура? Они меня обвиняют?.. Такого быть не может. Или может?..

Чувствую, как земля уходит из-под ног, и голова кружится всё сильнее. Мир вокруг начинает расплываться, а кто-то настойчиво пытается поддержать меня. В ушах шумит, перед глазами плывут разноцветные пятна.

— Тише, тише... — доносится до меня знакомый голос соседа сверху. — Я сам всё решу.

Последнее, что помню — сильные руки подхватывают моё безвольное тело, и знакомый запах парфюма, от которого уплывает сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.